

Итак, наш Президент Линь действительно прочёл про себя «Песнь пипы» — целиком, от начала до конца. Когда добрался до строки «Рождается сокрытая тоска и затаённая обида», глаза его вдруг вспыхнули, и он вскинул голову в сторону Хань Линя, который всё это время листал телефон, зубря английские слова.

— В сей миг молчание красноречивее слов.

Да уж, красноречивее некуда.....

Хань Линь покосился на него и промолчал.

Бросил взгляд на часы. На то, чтобы выдать одну-единственную цитату, этому типу понадобилось три минуты. Между тем на ЕГЭ по китайскому — сто пятьдесят баллов, сто пятьдесят минут, в среднем минута на балл, плюс пятьдесят минут под сочинение. И вот с такой-то скоростью.....

Хань Линь решительно не понимал, откуда у Линь Цзунцзе берётся такое самодовольство.

Пока врач перевязывал средний палец и накладывал гипс на правую ногу, три послеполуденных урока были погребены безвозвратно. Теперь Линь Цзунцзе сидел на кушетке и неотрывно разглядывал собственную правую ногу.

Хань Линю стало неловко. Линь Цзунцзе двенадцать лет бегал на длинные дистанции, и травма правой ноги для него — примерно то же, что для самого Хань Линя травма головы. Ущерб одного порядка.

— Что застыл? Помогай уже! Хочешь, чтобы я прыгал в класс на одной ноге?

— А! — Хань Линь убрал телефон в карман и поднялся. Когда наклонился, из-за ворота рубашки показались чёткие ключицы.

Он сноровисто подхватил руку Линь Цзунцзе и без лишних слов закинул его левую руку себе на плечо. Телосложение у Хань Линя было из тех, что с виду кажутся способными размазаться по стене от одного щелчка, — однако стоило тому навалиться всем весом, как из этого тщедушного тела откликнулась неожиданная упругая сила.

Мягкие чёрные волосы, до которых Линь Цзунцзе давно уже хотел дотронуться, оказались прямо перед носом. Он осторожно приблизил лицо и вдохнул — никакого особого запаха, только лёгкая свежесть, точно утренняя роса на траве. Когда Хань Линь поднял голову, Линь Цзунцзе уже смотрел в сторону с самым невозмутимым видом — чёрные волосы скользнули по его подбородку.

Щекотно. И немного мурашки.

— Ну! — окликнул Хань Линь: Линь Цзунцзе стоял столбом и не двигался. — Мне тебя на себе тащить?

— Нога болит, — соврал Линь Цзунцзе, от неожиданности едва не вздрогнув: на миг почудилось, что тот заметил, как он его нюхал. Ляпнул первое, что пришло на ум.

Хань Линь недовольно поджал губы, но всё же выпустил его руку, шагнул вперёд, пригнулся и бросил через плечо:

— Залезай. Понесу.

— Ты? — в голосе Линь Цзунцзе звучало неприкрытое сомнение. — Донесёшь?

— Ты много вешишь?

— Ну-у-у... Наверное, заметно больше твоей девушки.

— Девушки? — Хань Линь коротко усмехнулся — будто впервые слышит подобное. Объясняться не стал, даже не потрудился. Так и стоял, чуть пригнувшись, видимо ожидая, пока тот сам на него взберётся.

Линь Цзунцзе поспешно насел:

— В кодексе поведения написано: ученикам нельзя встречаться. Ты что, закон нарушаешь?

— Лезешь или нет? Идём или стоим?

— Иду-иду-иду.....

Линь Цзунцзе покорно навалился — и явственно ощутил, как тщедушное тело просело под его тяжестью. Но Хань Линь стиснул зубы и всё же выпрямился.

Покачиваясь на его спине, Линь Цзунцзе от нечего делать обнял за шею. Перед глазами маячила голова, в которой, если верить молве, умещались «пять лет ЕГЭ и три года пробников». Что-то нашло — и он снова потянулся носом к этим волосам.

Хм-м-м.....

Мята. Лёгкая, едва уловимая.

Бодрит.

Когда Хань Линь внёс его в класс, внимание аудитории немедленно обрушилось на них — со всех сторон разом. В этих взглядах хватало и женской зависти, и женского восхищения: вот вам, пожалуйста, наш обычно непробиваемый учебный Сюэвэй, к которому лишнего слова не скажи, — а этот двоечник, как пришёл, так сразу за одну парту с ним угодил, и учебный сам к нему подходит, пусть и только за тетрадками, а теперь вообще — на руках носит. Вернее, на спине.

Бафф нарастал с пугающей скоростью.

Хань Линь не видел в происходящем ничего особенного. Сам же зашиб правую ногу легкоатлету-стайеру — ту самую, которой тот собирался зарабатывать на жизнь. Угровишь её — а с одними академическими баллами поступить в нормальный университет, что выиграть в лотерею. Даже шансы меньше.

К их возвращению Сун Чэн уже прибрал весь разгром вокруг парты. Хань Линь осторожно усадил Линь Цзунцзе на место и выдохнул — рубашка насквозь промокла.

Линь Цзунцзе пнул к нему пачку салфеток из ящика — мол, возьми, вытрись. Хань Линь принял с вежливым, ровным:

— Спасибо.

«С ногой-то оно даже удобно», — подумал про себя Линь Цзунцзе. — «Прикажешь — скорчится, но сделает. Послушный. Обиженная жёнушка, да и только».

После ужина предстояли вечерние занятия, так что большинство потянулось в столовую или буфет. Но Линь Цзунцзе заявил, что ногу ломит, и непременно хочет суп со свиными ножками. Превратил лёгкую травму в полноценный послеродовой отдых.

Хань Линь три минуты боролся с желанием запустить в него ручкой, потом пнул табурет и вышел за ворота.

Сун Чэн жевал булку и обернулся:

— Президент, вы с нашим учебным что вытворяете? В обед один за другим вернулись — и подрались?

— Кто сказал, что мы дрались? — Линь Цзунцзе лениво вскинул голову, увидел на лице Сун Чэна фирменное выражение охотника за сплетнями — и тут же придвинулся. — Слушай, ты знал, что у Хань Линя девушка есть?

— У кого?! — вскрикнул тот, потом с запозданием зажал рот ладонью. Огляделся — посторонних нет — навис над Линь Цзунцзе и зашептал: — Блин, Президент, где это ты откопал? Я про учебного должен знать первым, а тут...

— Сегодня в обед видел: вышел с какой-то девчонкой из школы обедать.

— А-а, да ладно... — Сун Чэн отмахнулся. — Наш учебный — снаружи каменный, внутри добрый. Одной однокласснице плохо было, критические дни, так он ей сам сахарную воду заваривал.

— Она держала его под руку.

— Твою ж.....

Этот вопль по накалу не уступал тому, что вырвался у Линь Цзунцзе в обед, когда тот грохнулся с табурета.

По выражению лица Сун Чэна — примерно «увидел нечистую силу» — можно было смело заключить: Хань Линь умел хранить тайны. В классе, похоже, не знал никто, кроме него самого. Линь Цзунцзе удовлетворённо потёр подбородок. Отлично. Наконец-то козырь в руках — нарушение кодекса поведения налицо.

Сун Чэн не стал долго убиваться и деловито принялся собирать рюкзак.

— Ты куда? — спросил Линь Цзунцзе. — Узнал про девушку учебного — не выдержал, сбегашь с занятий?

— Это дело слишком тёмное. Я должен быть готов в любой момент отследить его передвижения. Кто эта девчонка, раз сумела пробить железную броню нашего учебного? Нет, я должен разобраться.

Какая девчонка? Линь Цзунцзе осёкся. Да он ведь и лица-то её толком не разглядел.

Промашка. Хотя с другой стороны — у Хань Линя вкус небось тоже не ахти. Была бы настоящей красавицей — бросилась бы в глаза, сама бы притягивала взгляды.

Для верности он обзвонил олимпийских фува одного за другим. Результат единогласный: никто не заметил никакой девчонки, не то что внешность запомнил.

Вывод: внешность ничем не примечательная. Скорее всего, уступает самому Хань Линю.

Тот вернулся запыхавшийся, с контейнером супа — ровно к звонку на вечернее занятие. Линь Цзунцзе потрогал миску. Холодная. Застывший жир покрывал поверхность мутной плёнкой — хуже любой казённой еды. Он зажмурился, набрал побольше воздуха и приготовился использовать метод черепашьего дыхания — проглотить залпом и не думать, — как вдруг почувствовал, что кто-то тянет миску с другой стороны.

Мягко, но упрямо.

Открыл глаза — два пальца Хань Линя на краю миски. И булочка с сосиской прилетела прямо в лицо.

— Нарываешься.

Линь Цзунцзе моргнул. Придвинулся:

— Я же реально хотел в обед — откуда мне знать, что ты только сейчас вернёшься. Суп остыл, невкусно же.

—.....

— Ну разве я не войду в положение? Лучше рискну расстройством желудка, чем ты зря сходил. Всё-таки твой ужин с любовью приготовлен.

Хань Линь захлопнул рот и больше не открывал. Линь Цзунцзе вспомнил бывших: заупрямится — молчи в тряпочку. Так и сделал, перестал ввязываться.

Хотя он, возможно, уже позабыл, что все четыре его бывших как раз за это молчание его и бросили.

На вечерних занятиях Сун Чэн впервые не вылетел из класса первым. Хань Линь уже закончил математику, а тот всё маялся рядом — и раз за разом оборачивался:

— Учебный, ты когда домой?

— Учебный, уже поздно, ты ещё не уходишь?

— Учебный, опаздывать — это нехорошая привычка.

После седьмого или восьмого раза Хань Линь отложил ручку и спросил совершенно серьёзно:

— Ты меня ждёшь?

— Нет-нет-нет, я просто решил доделать домашнее здесь.

Сказал — и тут же уткнулся в задачник, опасаясь, что проницательный учебный учет запах папарацци.

Хань Линь повернулся к Линь Цзунцзе:

— Ты тоже меня ждёшь?

— А то как же мне без тебя уйти?

— Чего?! — Сун Чэн выронил ручку и снова обернулся. — Президент, ты...

Слежка — дело тонкое, делается в тишине. А ты вот так прямо в лоб — насторожил человека, теперь никаких новостей не жди.

Сун Чэн смотрел с видом человека, на которого обрушилось всё мироздание сразу.

Ну и за что мне такой бестолковый Президент?

<http://bllate.org/book/18229/1752168>